

Она бросила на меня белый взгляд: «А не скажу, и что ты сделаешь?»

При посторонних я действительно не могла с ней ничего поделать, оставалось лишь канючить и упрашивать, чтобы она рассказала. Забавно, что Шоули выбежал изнутри и, увидев, как я жеманюсь, принялся в точности повторять за мной, теребя материнскую юбку и приговаривая: «Га-га, га-га, га-га».

А-Хуань, не выдержав наших приставаний, сначала взяла на руки Шоули, убаюкала его, затем уселась со мной на ложе, отослала прочих и только тогда сообщила: «Ходила к Цуй Второй».

Я удивилась: «С чего бы это?»

Она улыбнулась с лёгким самодовольством: «Она целыми днями сидит взаперти, не выходит, не исполняет обязанностей, но при этом обстановка и припасы у неё — всё высшего качества. Тебя это не смущает?»

Я ответила: «Ты думаешь, она бездельничает, а на деле, возможно, выполняет для матушки множество поручений, просто тебе не рассказывает. К тому же, она внучка первого советника, дитя знатного рода — во дворце её, естественно, не смеют ущемлять».

А-Хуань лишь усмехнулась, не удостоив ответа. Настроение у неё было прекрасное: она поиграла с Шоули, а спустя некоторое время спросила, как прошло вчерашнее уговаривание Дугу Шао. Я подробно пересказала вчерашние события, опасаясь, что она покритикует мои неумелые речи, но та лишь спокойно улыбнулась: «А-цзя долгие годы занимается управлением, в дворцовых делах она искушена, большинство сановников — её выдвиженцы, однако в военных вопросах она не столь сведуща. Генералы Лю, Чэн, Хэйчи и прочие были возвращены покойным императором. Они, быть может, и преданы Шэнжэню, но не обязательно императрице. Поэтому желание использовать давно отставного Дугу Юанькана вполне естественно. Ведь именно чтобы оказать ему милость, когда-то и назначили Дугу Шао сверх нормы».

Я сказала: «Логика ясна, но Юанькан-гун, возможно, и согласится служить императрице, однако вовсе не обязательно — моей матушке. Понимаешь?»

Я уже не раз намекала ей о честолюбивых замыслах матери, и А-Хуань не удивилась, лишь усмехнулась: «Потому я и велела тебе уговаривать Дугу Шао. Все знают, что её оставляют для приёмного зятя, дабы продолжить род. Хоть она и дочь, по сути приравнена к наследнику. Если она примет сторону А-цзя, то её отец, даже не присоединяясь, окажется в том же стане».

Эту логику мне и объяснять не требовалось, но вчера я ходила уговаривать Дугу Шао вовсе не ради этого.

А-Шао не только лелеяла высокие устремления, но и с самого начала неуклонно следовала к своей цели. Я всегда восхищалась этим её качеством. И пусть я сама ни на что не гожусь, не могу исправить государство и искоренить дурные обычаи, но если находится тот, кто готов стать таким первопроходцем, я с радостью внесу свою скромную лепту. Хотя мотивы этой лепты весьма неоднородны, а при детальном рассмотрении и вовсе могут показаться неприглядными.

Я взглянула на А-Хуань. К Дугу Шао и Цуй Мин-дэ, этим отпрыскам знатных родов, она никогда не питала особых симпатий или антипатий, однако вчера намеренно завела речь об отставке Дугу Шао, вынудив меня обсудить с ней ситуацию и выработать стратегию, а затем уговорила отправиться под дождём уговаривать Дугу Шао. В конечном счёте, её беспокоило, что эти двое держат наши слабые места, и она стремилась втянуть их в воду.

Будь это несколькими месяцами ранее, в моём сердце, несомненно, возникли бы колебания — не только из-за врождённого отвращения к подобным расчётам, но и потому, что А-Хуань снова затеяла игру, используя меня. Однако вчера, едва она взяла на руки Шоули и заговорила со мной, я почти без колебаний последовала её воле.

Ведь теперь я не одна. Я вспомнила, как несколько месяцев назад Шоули робко произнёс: «Императрица», и как Дугу Шао вышла из дома с напускной дерзостью и циничной усмешкой на лице. Почему-то я ощутила лёгкую растерянность.

Вопреки моим ожиданиям, первыми подняли войска не сторонники Сюй Цзинье, а старые подчиненные князя Ци.

В конце седьмой луны Ли Мина, князя Ци, доставили в столицу для суда, а в начале восьмой приговор уже был вынесен. Матушка полагала, что это дело не должно иметь широких последствий, поэтому казнили лишь самого Ли Мина и его второго брата, более десяти сыновей и племянников, а также пять-шесть чиновников отправили в ссылку, жён и дочерей конфисковали в казну, а княгиню-мать Ци лишили ранга и заточили в покоях Етин. Однако Чжоу Син не унимался, раз за разом подавая доклады, утверждая, что мятеж князя Ци на самом деле был спровоцирован извне, и перечисляя множество имён с требованием провести расследование. Пока этот вопрос оставался нерешённым, чиновники в землях Ци, прослышав об этом, пришли в смятение и в конце концов подняли мятеж.

Десятого дня девятой луны, на следующий день после того, как матушка во второй раз провела Обряд стрельбы из лука, мятежники собрали уже более тридцати тысяч человек и захватили семь уездов, включая Личэн, Линьи и Чжанцю.

Со времён Гао-цзу в стране почти ежегодно происходили военные кампании, и тридцать тысяч человек — не такая уж значительная сила. Однако матушка отнеслась к этому крайне серьёзно, назначив Дугу Юанькана главнокомандующим войсками Хэнаньского округа во главе стотысячной армии для немедленного подавления мятежа. В это время Дугу Юанькан как раз встречался со «старшими родственниками жениха» Дугу Шао, обсуждая возможность брака.

Вообще-то Юанькан уже несколько лет подыскивал для Дугу Шао пару, но те семьи, что он считал достойными, не желали отдавать сыновей в приёмные зятья, а те, что соглашались, его не устраивали. К тому же в те годы Дугу Шао была ещё молода, дело не казалось срочным, и так, с отсрочками, дело затянулось до нынешнего момента. Теперь, когда Дугу Шао перевалило за двадцать, она вращалась в военной среде, её репутация и внешность всё менее соответствовали стандартам, и Юанькан забеспокоился, начав повсюду наводить справки. Благодаря рекомендации клана Цуй он познакомился с несколькими отпрысками четырёх знатных фамилий, но, опасаясь, что его сочтут грубым воякой, а дочь — не обученной женским искусствам, он уделял особое внимание церемониям и был крайне сдержан в сватовстве. Противная сторона принадлежала к знатному роду из Гуаньчжуна, семье, веками носившей нефритовые украшения и чиновничьи шапки. Хотя их влияние и ослабло, это всё же был род с тысячелетней историей, и мысль отдать сына в приёмные зятья вызвала у них сомнения. Поэтому предложение, выдвинутое Юаньканом в восьмую луну, к девятой всё ещё оставалось без ответа. Теперь же, когда Юанькану вновь предстояло вести войска, они и вовсе отложили дело до следующего года, заявив, что обсудят его после его победоносного возвращения. Таким образом, брачные планы относительно Дугу Шао были отложены.

Эти новости раздобыла для меня Сяолан. Несколько служанок, что раньше неотлучно следовали за мной, теперь постепенно стали самостоятельными. Мне нравились сообразительность и внимательность Сяньсянь, и я оставила её при себе, поручив управление

личными делами. Сяолан вышла замуж, её связи с внешним миром расширились, она собирала слухи и докладывала мне, и я поручила ей ведение светских дел внутренних покоев. Сун Вэйнян, У Сяохай и прочие также были выданы замуж и получили свои обязанности. Я также велела Лю Хоудэ пригласить нескольких наставниц и устроить в усадьбе женскую школу по образцу Внутренней школы, где все обитательницы внутренних покоев, желавшие обучиться грамоте, могли записаться на занятия. Те, кто показывал выдающиеся успехи, могли быть избраны на руководящие должности в различных местах. Но это уже другая история.

У других, чьи брачные планы срывались, неизбежно возникало разочарование, а для Дугу Шао такая отсрочка стала радостным событием. Я, как её друг, конечно, не могла не поздравить её. К тому же её отец запер её дома, и мой визит мог стать поводом вытащить её наружу и как следует развлечься. Поэтому, едва закончились празднования дня рождения А-Хуань, я села на коня и неспешно отправилась в усадьбу Дугу Шао. По прибытии я увидела, что все ворота заперты, вокруг стояли многочисленные воины в хуском платье, охрана была чрезвычайно строгой — вероятно, из-за отсутствия хозяина. Я велела постучать, и лишь спустя долгое время получила ответ. Но вышел не тот управляющий, что прежде, а какой-то старик с плутовой внешностью. Открывая ворота, он сначала бегло окинул взглядом округу, а услышав: «Принцесса Чанлэ желает видеть младшую госпожу Дугу», — даже переспросил Фэн Юнчана. Затем, высунувшись и увидев меня в пурпурных одеждах, на императорском коне, в окружении десятков гвардейцев Цяньню посреди дороги, он вышел и почтительно поклонился: «Наша шестая младшая госпожа нездорова и не может принять гостей. Смилуйтесь, Ваше Высочество, и простите».

Дугу Шао всегда отличалась крепким здоровьем, на военных учениях, в ветер и дождь, я никогда не слышала, чтобы она чихнула. Внезапное заявление о болезни вызвало у меня недоверие. Я усмехнулась: «Если она больна, то тем более следует навестить её. Какие у неё симптомы? Серьёзно ли? Какого врача пригласили? Не вызвать ли мне из дворца двух лекариц?»

Старик невнятно пробормотал: «Ваше Высочество столь милостивы, наш дом глубоко тронут. Однако младшая госпожа тяжело больна, мы опасаемся потревожить высокую гостью, ей не подобает показываться на глаза. Просим Ваше Высочество вернуться, а когда младшая госпожа поправится, она сама явится с благодарностью». Он всячески увиливал, не желая впускать меня. Во мне зародилось подозрение, и я спросила снова: «А где же ваша седьмая младшая госпожа? Я с ней тоже знакома, давно не виделась, очень соскучилась».

Старый слуга ответил: «Седьмая младшая госпожа занята управлением усадьбой, ей неудобно».

Я кивнула Фэн Юнчану, и он немедленно шагнул вперёд, выпрямив грудь: «Принцесса пожаловала с визитом, а ты, старый хрыч, не только не сообщил вовнутрь, но даже не вышел достойный встречающий. Таковы в вашем доме правила приёма гостей?» Эти слова заставили старика переменить лицо. Он медленно удалился внутрь, и вскоре появилась Дугу Минь, распахнула ворота, пригласила меня войти и распорядилась подать чай в главном зале.